

ДОШКОЛЬНИК СТАНОВИТСЯ ШКОЛЬНИКОМ

Беседа нейропсихолога с родителями будущих первоклассников

Наша речь тоже во многом построена на пространственных отношениях. «Брат отца» и «отец брата» – это одно и то же? И вообще, это один человек или два? «Мать любит дочь» и «дочь любит мать» – это одно и то же? В обеих фразах три совершенно одинаковых слова, только их порядок иной и смысл разный. А ребенок чувствует эту разницу? Может быть, это чувство должно быть врожденным? Оказывается – нет. Иначе не было бы в мире языков правоветвящихся и левоветвящихся, в которых подобные фразы строятся противоположным образом. Русский язык – правоветвящийся. Мы что-то говорим ребенку и думаем, что он нас понимает. Он ведь уже большой и говорит хорошо. Оказывается, понимает-то не всегда. Иногда просто догадывается по ситуации, а если ситуация неопределенна, то он может нас просто не понять. Мы опять сердимся: «Ты что, русского языка не понимаешь?» Иногда не понимает, и это тоже нормально для шестилеток. Мы давали ученикам пятых и шестых классов две фразы: «платье задело весло» и «весло задело платье», и просили сказать, есть ли между ними смысловая разница. От 20 до 30% учеников гимназии этой разницы не почувствовали, даже когда их попросили найти в этих предложениях подлежащее.

Итак, мозг первоклассника еще незрел, и поэтому его восприятие, мышление, память, эмоции организуются по другим законам, а значит, мы с вами не всегда способны понять своего ребенка. Мы по-разному чувствуем, видим, слышим, осязаем. Но каждый из нас всегда сравнивает ребенка или любого другого человека с самим собой. У нас нет другого критерия. Нам кажется, если я вижу, то и он видит, я понимаю – значит, и он должен понимать, мне так легче – значит, и ему должно быть легче, когда он что-то делает именно так, а не иначе. Но возьмем такой пример: ребенок пишет в тетради палочки. Мы с вами видим – палочки неровные, наклон разный. А он это видит? Оказывается, не всегда. Исследователи доказали, что только в четыре года ребенок начинает четко чувствовать параллельность вертикальных линий, в пять лет – горизонтальных и только в шесть лет – наклонных. Но ведь шесть лет – это по биологическому возрасту, а не по паспортному. Когда ребенок устает, он как бы спускается на одну возрастную ступеньку ниже. И что мы видим? Вот он старательно написал почти целую строчку ровных палочек, а несколько последних получились кривыми. Мы опять сердимся: «Ты что, не видишь, что палочки кривые? Ты не стараешься, ты спешишь!» А он очень старается, но он устал и уже не видит, что палочки неровные.

Нам бывает трудно понять нашего ребенка, потому что мы живем как бы в разных мирах. Каждый из нас на основе своего опыта строит свою модель мира и, в определенной степени, оберегает ее от изменений. Было бы трудно жить, если бы

наша модель мира ежеминутно менялась. Новые знания, события, чувства, мотивы, конечно, несколько трансформируют такую модель, но для этого должны быть очень веские основания. Нам нужен незыблемый фундамент, основа, остов, на котором мы можем надстраивать новые знания.

У ребенка тоже должен быть такой фундамент. Ему тем более трудно жить в беспорядочно трансформирующемся мире, и он особым образом усваивает законы построения мира, в котором живет. Но модели мира у нас и у детей разные. Мы отсекали от своей модели ненужные детали, разбили весь мир на блоки, присвоили каждому название. А у ребенка мир целостный, без промежутков и швов. Мы воспринимаем только то, на что настроены. Все остальное мозг фильтрует и не допускает в сознание. А у детей фильтр иной. Приведу такой пример. Как вы думаете, к одному прибавить один – всегда будет два? Большинство взрослых отвечает утвердительно. Теперь представьте себе такую картину: одна капля воды и еще одна капля воды – будет одна капля воды, но большая. Разве вы не знали, что две капли воды сливаются в одну? Знали. Но мы с вами негласно условились капли воды и тому подобное не считать. А ребенок тоже с нами принимал такое условие? Конечно, нет.

Он знает, что может быть и такое: $1 + 1 = 1$. Он это много раз видел. А мы требуем принять на веру: один плюс один всегда два. Мы видим мир таким, каким его принято видеть, а ребенок таким, какой он есть на самом деле. Отсюда часто возникает непонимание.

Для нормального развития психики ребенку необходимо чувство защищенности. Это мы наблюдаем даже у животных. Специалисты долго не могли понять, почему детеныши обезьян, которые потеряли мать, часто гибнут. Их кормили, поили, в клетке было тепло. Чего же им не хватает? И вот в одну клетку поставили «железную маму»: цилиндр, на котором были сделаны как бы соски с молоком. В другую клетку поставили такой же цилиндр, но без молока, зато он был обтянут мягким мехом. Обезьянки с железной мамой по-прежнему болели, а с мягкой мамой повеселели и начали нормально развиваться. Что же им было нужно? В случае опасности, реальной или мнимой, они могли прижаться к «маме» и чувствовать себя защищенными. И наши дети в трудную минуту должны иметь возможность прижаться к маме. Это важно для их здоровья: и физического, и психического. Что бы ребенок ни натворил, как бы вас ни огорчил – не отталкивайте его. Один известный американский детский хирург сказал, что для нормального развития ребенку нужно двенадцать объятий в день, а для того, чтобы просто существовать, – четыре.

А если этого нет? Тогда возникает так называемая «выученная беспомощность». Доказано, что если мама в первые месяцы жизни ребенка не научится по-разному реагировать на разные виды его плача, то, когда он вырастет, у

него могут быть трудности в общении. А если мама не подходит к плачущему ребенку? Если ребенок старается в школе, но что-то не получается, а мама-папа ругают, учительница сердится? Тогда ребенок может начать болеть. Стресс, связанный с чувством выученной беспомощности, резко снижает иммунитет. Мама удивляется: «Все здоровы, а мой то и дело болеет. И так в школе проблемы, а он еще и пропускает занятия. Почему?» А потому, что у него ни дома, ни в школе нет чувства защищенности, отсюда возникает разрушительное чувство выученной беспомощности.

Маленькие дети не бывают ленивыми. На их лень мы списываем свои педагогические ошибки. Если вам кажется, что ребенок ленив, то скорее всего ваши требования превышают его возможности. Ребенок – это вечный экспериментатор. Ему все интересно, он все хочет знать. Но хотеть знать и хотеть учиться – это не одно и то же. Не надо обольщаться: ребенок идет в школу не для того, чтобы учиться. Шестилетний ребенок еще не может ставить познавательных целей. Он идет в школу, потому что купят красивую школьную сумку или рюкзак, потому что днем спать не надо, потому что «надоело в детском саду», потому что я буду школьником, потому что мама деньги будет давать на обед. Если ребенок говорит, что хочет учиться, скорее всего он просто повторяет слова взрослых.

Шестилетки отличаются тем, что не умеют проигрывать, то есть для них непереносимо знать, что они слабые, неумелые, плохие. Психологи проводили такой эксперимент. Они показывали шестилетним и семилетним детям одни и те же картинки. На одной был нарисован мальчик, который пытается поднять ведро и не может. У детей спрашивали, почему мальчик не может поднять ведро. Семилетние отвечали: «Потому что мальчик слабый», – а шестилетние: «Потому что ведро тяжелое». Поэтому не удивляйтесь, если ваш первоклассник во всех своих промахах будет обвинять кого и что угодно, но не себя: «Меня Сашка толкнул, у меня ручка плохая». Не надо делать из такого поведения ребенка трагедию. Не судите его с позиции взрослого. Мягко объясните, что Сашка тут скорее всего ни при чем, но не переусердствуйте.

Ребенок в этом возрасте еще не способен себя оценить, оценить результаты своей работы. Он оценивает только свои усилия. Если он старался, то все, что он сделал, ему нравится. Если его оценка совпадает с вашей, то все в порядке. Если же ему нравится, а вам нет, то у ребёнка два выхода. Первый – как бы не замечать вашей оценки. Вы говорите «плохо», а он, как не слышит. Нам это кажется проявлением плохого поведения, неуважением к нам. А на самом деле это тот выход, который дает возможность ребенку сохранить себя. Второй выход – поверить вашей плохой оценке его труда, а значит, признаться, что он «плохой». Такая ситуация очень тяжело переживается ребенком, так как он не умеет проигрывать.

Это ранит его психику и очень тяжело преодолевается. Именно поэтому будьте осторожны, оценивая работу своего первоклассника или своей первоклассницы. Это не значит, что их всегда нужно только хвалить. Но если вы говорите ребенку, что он что-то сделал плохо, вы должны дать ему почувствовать, что оцениваете только его работу, а не его личность. Он должен чувствовать, что даже когда вы его ругаете, вы все равно его любите. Нет таких ситуаций, нет таких проступков, за которые родные люди могут сказать ребенку: «Я тебя не люблю». Если вам дорог ребенок, его здоровье, будущее, на фразы такого типа должен быть наложен категорический запрет.

И еще один важный момент. В силу незрелости мозга ваш ребенок еще очень плохо понимает юмор. Поэтому его нельзя поддразнивать. Подшучивать над ним надо очень осторожно. С одной стороны, чувство юмора надо развивать, но не обижая ребенка, не травмируя его психику.

Когда мы говорим о развитии мозга, очень важно понимать, что у человека эволюция мозга закончилась на этапе кроманьонца. Это значит, что все, что отличает нас от кроманьонца: особенности нашей психики и функциональной (а не анатомической) организации нашего мозга, – зависит от того, в какую среду попал ребенок, кто и как его учит и воспитывает. То есть мозг ребенка развивает взрослый человек. Без человеческого общества он никогда не станет Человеком. Вы, уважаемые родители, развиваете мозг своего сына или своей дочки.

В жизни ребенок постоянно включается в решение задач, которые ему пока не по силам. Получилось – хорошо, не получилось – тоже не страшно, так как в этом случае все равно идет развитие мозга и психики, хотя мы этого и не замечаем, а видим только одно – не получилось. Ребенок на то и ребенок, чтобы чего-то не знать и не уметь. И, пока он совсем маленький, мы умиляемся его ошибкам и промахам, его неумелости. И это нормально.

Но вот ребенок пошел в школу. Конечно, он будет продолжать делать ошибки и с чем-то не справляться. Обучение идет через ошибки. Они корректируют путь развития, они необходимы. Но очень часто получается так, что мы перестаем умиляться и начинаем сердиться. Почему? Что он такого сделал? Отсчитал не то количество клеточек, написал не ту букву, неправильно прочитал слово? Мы говорим – невнимательный. А кто сказал, что ребенок должен быть таким же внимательным, как взрослый? Что такое концентрация внимания? Это прожектор, который из всей картины мира выхватывает небольшой кусочек и рассматривает только его. Мы, взрослые, уже можем себе это позволить, так как мы уже сформировали целостную картину мира. А ребенок нет. Если бы у него была такая же, как у нас, высокая концентрация внимания, мир рассыпался бы на куски.

Целостная модель мира у него еще только формируется. Это не значит, что шестилетка вообще не способен концентрировать внимание, но эта способность у него значительно слабее нашей.

Итак, ребенок делает ошибки и не может их не делать. Мы, конечно, должны помочь ему увидеть эти ошибки и исправить их, но при этом важно не превратиться из любящего родителя в злобного цензора. На наш взгляд, один из самых страшных пороков обучения первоклассников – это воспитание боязни ошибки. Если ребенок панически боится ошибиться, он не ищет закономерностей, не пробует, не экспериментирует. Боязнь ошибки порождает трусость мысли. Ребенок перестает думать, размышлять, анализировать, сопоставлять – он только вспоминает. Он мучительно вспоминает то, что говорил учитель или мама, что написано в учебнике. Полученные таким образом знания не встраиваются в целостное мироздание, а слабо держатся в памяти несвязанными кусками. А это значит: ответил и забыл. Или: на уроке типовые задачи решаю, а в жизни применить свои знания не могу. Тогда зачем нам такие знания? Ради пятерки в дневнике, которой можно похвастаться перед родственниками и друзьями и сказать заветное: «Мой-то-отличник!»

А если он не станет отличником? Если он постоянно делает ошибки? Совет один; терпение, терпение, терпение. Стыдно демонстрировать ребенку свое превосходство над ним. На его фоне вы, конечно, умнее, вы правильно считаете клеточки и знаете, что «корова» пишется через «о». А что будет, когда он вырастет, а вы состаритесь, и память начнет вас подводить? Вы хотите, чтобы он тогда раздражался и сердился, как вы сейчас, и подчеркивал свое превосходство?

Итак, при первых школьных трудностях надо решить для себя главное: вы на стороне ребенка против его трудностей, или вы сторонний наблюдатель, или вы обличитель, а значит, на стороне трудностей и против ребенка? Какова ваша цель: уличить в незнании и неумении или помочь научиться? Важно сохранить у первоклассника желание познавать, желание ходить в школу, желание возвращаться домой и делиться с самыми родными людьми своими радостями и горестями, сохранить радость жизни. Он все равно научится читать, писать и считать. Он может что-то не понять или забыть, но если он сохранит желание познавать, все остальное преодолимо. А вот если уже в начальной школе у ребенка возникнет отвращение к учению – это беда.

Ребенок многое чувствует тоньше нас, но не может нам рассказать об этом. Почему? Для ответа на этот вопрос придется немного поговорить о том, как устроен мозг человека, и об отличиях в функциональной организации мозга взрослого и ребенка. У нас с вами два полушария. Правое принимает основную информацию от левой стороны тела: левой руки, ноги, глаза, уха, кожи и мышц слева. Левое от

правой стороны: правой руки, ноги и так далее. Но главное, что эти два полушария, которые, казалось бы, должны быть симметричными, перерабатывают информацию по разным принципам. Правое – целостно, во всем объеме конкретных ее проявлений и индивидуальных особенностей. Оно создает тот самый целостный фундамент, без которого невозможен тонкий анализ деталей. Оно позволяет нам видеть мир панорамно. В нем преобладают длинные нервные пути, которые связывают между собой далеко отстоящие зоны мозга, разные по своим функциям. Левое полушарие дробит информацию, членит ее, разбивает на блоки, отбрасывает конкретику и нюансы, а значит, классифицирует. В нем преобладают короткие нервные пути, соединяющие ближайшие точки мозга внутри одной функциональной зоны. Это создает возможность для точного анализа, более точного управления движениями (вот почему правая рука у большинства людей более искусна). Только в левом полушарии у человека есть центры речи. Почему они возникли именно в левом полушарии? Потому что «слово изреченное есть ложь». Любое слово классифицирует, отбрасывает конкретные характеристики, нюансы, сиюминутные отличия. Левое полушарие структурирует информацию, выстраивает причинно-следственные цепочки.

Но у нас один единый мозг, единое сознание. Это достигается тем, что полушария соединяются мощными пучками нервов, что позволяет им обмениваться информацией и результатами ее переработки, а также координировать движения правой и левой стороны тела.

Индивидуально у одних из нас относительно более активным является левое полушарие. Такие люди чаще бывают «технарями» (но не обязательно получают именно техническую специальность). Они последовательны, четко формулируют свои мысли, способны к скрупулезному анализу и детализации, но «за деревьями могут не увидеть леса», не всегда схватывают целостно, могут не увидеть главного. У других относительно активнее правое полушарие. Это «образники», которые мыслят целостно, панорамно, за морем деталей, фактов способны увидеть главное, что их объединяет. Они не всегда четко формулируют свою мысль, могут быть импульсивны и несколько сумбурны, зато не жонглируют словами попусту.

Какое же полушарие преобладает у ребенка? Конечно, еще до рождения начинают работать оба полушария, но, чем младше ребенок, тем он как бы более правополушарен. Это относится и к тем, кто с возрастом станет выраженным правополушарником, и к будущим левополушарникам. Сначала надо построить целостный фундамент мира, схватить принцип, а потом уже разбираться с деталями. Иначе не выжить. Кроме того, у детей, особенно у мальчиков, пучок нервов, соединяющий два полушария, непропорционально мал, то есть у детей обмен информацией между полушариями, по сравнению со взрослыми, затруднен. По-

видимому, природа не зря так устроила. Если бы у маленького ребенка с еще формирующейся функциональной асимметрией мозга была бы мощная связь между полушариями, трудно было бы сформировать специализацию правого и левого полушарий.

Как же особенности мозга ребенка сказываются на процессе школьного обучения? Ребенок воспринимает мир целостно, и ему очень трудно дробить целое на части, например, целое слово на корень, суффикс, окончание, приставку. Ему трудно оперировать с абстрактными, то есть не имеющими конкретного смысла, категориями. Наши условные обозначения и условные договоренности могут быть для него трудны. Конечно, к шести годам дети уже играют в игры, в которых реальный предмет заменяется его условным заместителем (вместо ножа щепочка, вместо тарелки листик, вместо лошади стул), но он все же хоть чем-то похож на свой прототип.

Восприятие ребенка отличается от восприятия взрослого, так как правое полушарие у него лидирует, а в этом полушарии тесно связаны между собой, например, зрительная и слуховая зоны мозга. В результате у ребенка слова могут иметь цвет и текстуру. Отдельные звуки или целые слова могут быть красными или синими, гладкими или шершавыми, мягкими или колючими, холодными или теплыми. И это зависит не от смысла слова, а от его звучания. Поэтому те цвета, которые мы выбираем для условных обозначений, могут казаться ребенку «неправильными», он видит их в другом цвете. Ему может не нравиться какое-то окончание, «потому что оно соленое». Если ваш ребенок говорит нечто подобное, не торопитесь обвинять его в глупости. У него есть то видение мира, которое многие из нас уже потеряли, – синестетическими образами.

И запоминает он не так, как мы. Мы чаще храним информацию в памяти по рубрикам, как в библиотеке, а он по синестетическим образам и эмоциональным меткам. Нам, чтобы извлечь из памяти, надо отнести искомое к определенной категории, а ему – к определенной ситуации или образному семантическому полю. Механическая память у многих детей тоже хорошо развита, но, если опираться только на нее, пятерки, возможно, будут, а вот знания, которые можно использовать в любой нестандартной ситуации, – вряд ли.

Какие еще трудности могут подстерегать некоторых первоклассников? Об элементах зеркального письма мы уже немного говорили (на самом деле есть семь видов зеркального письма, мы говорили только об одном: реверсии формы). Но есть еще и зеркальное чтение. Некоторые дети читают, особенно короткие слова, в другую сторону: вместо «от» – «то», вместо «сон» – «нос». В чем дело? Давайте разбираться. В русском языке слова читаются и пишутся слева направо. Это направление

врожденное? Конечно, нет. Иначе более миллиарда людей на Земле не читало бы справа налево. Но почему же одни дети испытывают подобные трудности, а других сия чаша миновала?

Оказывается, существует индивидуальное предпочтение направлений. Если ваш ребенок предпочитает считать зрительную информацию справа налево, то не исключено, что и читать он попытается так же. Как это проверить? Предложите ребенку картинки, на которых в один горизонтальный ряд расположено несколько предметов или животных, и попросите их назвать. Если он всегда начинает название с самой левой картинки, скорее всего трудности зеркального чтения ему не грозят. А если всегда начинает с правой? По большому счету, такой ребенок ничем не хуже по интеллектуальному развитию, но скорее всего в период обучения чтению на русском языке он испытает некоторые трудности. У одних детей они мимолетны, а другим предстоит тяжелый период перестраивания своих предпочтений, а это не только психологическая, но и нейропсихологическая перестройка. Если бы этот ребенок учился читать по-арабски или, например, на иврите, он, наверное, был бы самым успешным.

Итак, подобные трудности связаны с особенностями функциональной организации мозга, поэтому винить ребенка за «неправильное» чтение безнравственно. И, несмотря на то что у вас самих в детстве таких проблем могло не быть, именно от своих родителей он получил такой тип мозга. Вы ведь передаете ему по наследству не только те признаки, которые проявились у вас, но и те, которые получили от своих родителей или более далеких предков (может, даже от прапрапрабабушек и прапрапрадедушек), но они хранились в скрытом виде в генетическом коде. Так кто виноват? И вообще, вина ли это? Если все наши достоинства имеют и обратную сторону, превращаясь в какие-то недостатки, то и наши недостатки могут оказаться оборотной стороной наших достоинств. Возможно, в первом классе эти особенности организации мозга мешают ребенку успешно учиться, а вот когда он вырастет, позволят ему увидеть, почувствовать и совершить то, что не дано его более успешным одноклассникам.

Может быть, у вас сложилось впечатление, что я призываю отпустить ребенка плыть по воле волн и ни во что не вмешиваться. Конечно, это не так. Но педагогика такая тонкая наука, что приходится все время идти, словно по канату. А родитель – это первый педагог. И здесь нужно не только знать педагогические приемы, но и чувствовать своего ребенка. Не торопитесь обличать его и награждать обидными словами: лентяй, невнимательный, неряха, тормоз, тупой, весь в... (отца, мать, деда и т.д.). Попытайтесь встать на его место, посмотреть его глазами, пережить его чувствами, понять его трудности. Вы же не перестанете любить его только из-за того, что он вместо «о» в который раз написал «а». Он не перестанет быть вашим

любимым сыном, а она дорогой дочуркой. Постарайтесь и вы остаться любимыми и самыми-самыми лучшими в мире родителями для своих первоклассников и первоклассниц.

*Валентина ЕРЕМЕЕВА,
завкафедрой педагогики детства СПбАППО, профессор, кандидат биологических наук*